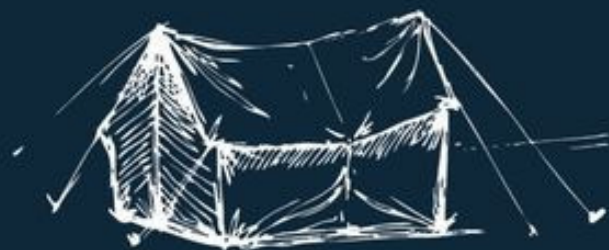

18+

Владимир Петров

Великая гора Улуу Тоо

Владимир Петров
Великая гора Улуу Тоо

«Издательские решения»

Петров В.

Великая гора Улуу Тоо / В. Петров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981561-3

Известный краевед продолжает публикацию очерков, изданных ранее в книге «Гора, приносящая счастье». Биографические и историко-краеведческие очерки о значимых событиях и природе республики Кыргызстан рассчитаны на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-44-981561-3

© Петров В.
© Издательские решения

Содержание

Великая Гора Улуу Тоо	6
Горные промыслы страны Ала-Тоо	9
Великий шелковый путь	12
Правда о золотом эшелоне	17
Где родился командарм?	20
Из прошлого века о погоде завтрашней	23
У всех людей одна планета	26
Чика Москвич	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Великая гора Улуу Тоо

Владимир Петров

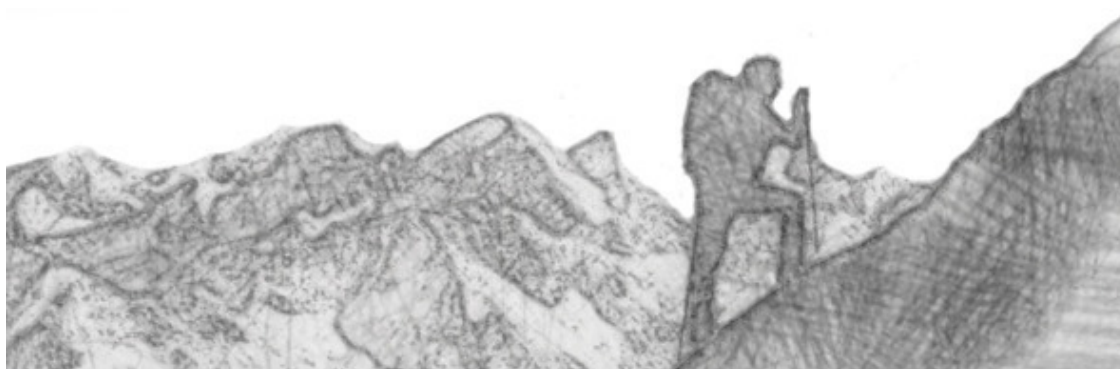
Евгений Петров *Дизайн и обложка*

© Владимир Петров, 2020

ISBN 978-5-4498-1561-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Великая Гора Улуу Тоо

Это была обычная гора. На карте она обозначалась высотой в четыре тысячи метров и совсем не выделялась среди других вершин Терской хребта. Небольшой домик и юрта стояли на входе в ущелье Кенсу, где долгие годы жил охотник и яковод Жакшылык Осмонакунов. Гора возвышалась над его жилищем и Жакшылык в своей песне называл ее Улуу Тоо – Великая гора и никак по-другому:

И дальше про то, кто достигнет этой вершины, познает все и достоин смерти.

И я вдруг понял, почему эта гора носить имя Великой. Ее вершина поднималась на водораздельном хребте и воды с него стекали во все стороны горизонта: на север к Иссык-Кулю, на юг через Тарим к Лоб-Нору, на восток к Балхашу, на запад, где через Сыр-Дарью впадали в Аральское море. Та вода, отсюда – из центра азиатского материка, когда-то доходила до океана, орошая на пути обширные степи и сохраняя хрупкую жизнь в пустынных оазисах. В вечном круговороте, вода возвращалась с небес обратно и застывала в горах гигантскими ледниками. В этих неподвижных льдах замолкали и звонкая капель, и тихое журчанье ручьев, и грохот водопадов, и шум морского прибоя.

Геологоразведчики уже несколько лет ковыряли подножье Великой горы в поисках руды. А Жакшылык выпасал на ее склонах своих яков. Он первым начал разводить здесь этих полудиких животных, был большим знатоком окрестных гор и страстным охотником.

«Вот, – говорил он, разворачивая дастархан, – старуха-мать в город поехала. Теперь мои сыновья и внуки все там. Им больше нравится городская жизнь. А я всегда буду жить в горах».

Он рассыпал по дастархану, приготовленные женой впрок боорсоки, вытаскивал из заначки устукан – косточки с остатками мяса, и наливал в пиалы чай. Такой душистый чай был только у Жакшылыка. Он заваривал его с травой мамыр, которая росла лишь на здешних сыртах и была неизвестна науке. Чай бодрил и привносил мыслям ясность.

В горах темнело. Лишь на востоке в лучах заходящего солнца оранжевым цветом горела пирамида Хан Тенгри – Кан-Тоо. Своей вершиной этот семитысячник, царящий над ледяными громадами, казалось, подпирает само небо. Вершина завораживала и манила к себе. Но Хан не был велик, как Улуу Тоо – воды с него текли только в Тарим и никуда больше. «Ты мог бы подняться на Кан-Тоо?» – спросил я яковода. «А зачем? Яков там нет. Кан-Тоо только альпинистам для забавы. А мы с тобой завтра идем на Улуу Тоо. Может быть, повезет, спугнешь на меня теке и то польза».

Утром мы тронулись в путь. Я – пешком, а Жакшылык оседлал своего коренастого жоргоиноходца, без которого он в свои семьдесят лет уже не передвигался по горам. Но, несмотря на свой возраст, старик обладал острым зрением, был силен и ловок. Он никогда не жаловался на здоровье и говорил, что оно у него крепкое от горного воздуха и отсутствия плохих мыслей.

Я пошел легкими скалами напрямик, а яковод, петляя по склону, поднимался вверх только ему ведомыми тропами. Альпийский пейзаж окружал нас. В бесконечность уходили гряды хребтов, увенчанные снежными вершинами. Было тихо. Только от снежной линии раздавались хватающие за сердце утренние крики уларов. Одна шальная птица вдруг выскочила из близкой осыпи и, волоча крыльями, боком, словно подбитая, побежала в сторону. Я бросился за ней, но улар расправил крылья, взлетел и со свистом скрылся за гребнем. Еще спугнул жору – орлов падальщиков. Грифы, заметив меня, нехотя завершили свое пиршество и, подпрыгивая по склону, неловко взмахивали на взлете огромными крыльями. Казалось, птицы никогда не оторвут от земли свои отяжелевшие на кормежке туши. Но вдруг они поднялись и уже уверенно кружили в бесконечной глубине лазурного неба.

Однако, небо было не совсем лазурным. Среди вершин появились белые облачка – предвестники смены погоды. Налетел ветер, ударяя облака о скалы, и они, разрываясь клочьями, взмывали к вершинам, закручиваясь в воздушном потоке. Новые и новые караваны туч поднимались снизу и вскоре сплошь закрыли горы. И уже вокруг было только черное грозное небо, сверкающее и гремящее. Воздух наполнился электричеством. Из вытянутых рук и поднятых волос истекали потрескивающие синие огни. Гроза в горах очень опасна. Внезапно захваченный ею знает, что только везение может спасти его. И в голове зазвучали слова вчерашней песни Жакшылыка: «Кто поднимется на Великую гору, достоин смерти»...

Сабельные удары молний почти одновременно с громом пронзали ближние скалы. А потом всё разом – и ослепительная вспышка, и оглушающий грохот. Небо обрушилось, и я стремительно полетел в какую-то звенящую бесконечность.

«Наверно, никогда не вернусь обратно», – успел подумать я, в непреодолимом страхе перед неизвестной границей «быть или не быть». В бесконечном пространстве начали появляться какие-то образы, и эти видения нельзя было назвать галлюцинацией. Казалось, невидимая рука перелистывала передо мной страницы самой главной книги Земли. Мелькали картины сотворения мира и его обитателей. Планета, изливаясь огненными потоками, стыла и ломалась, дыбилась громадами гор, покрывалась водой и прорастала лесами. И в этой круговерти она приобретала свой космически-неповторимый облик голубой планеты, населенной людьми. Безумные и одаренные, они сбивались в стаи и рыскали в поисках добычи, оседали, выращивая хлеб и приручая скот, строя и разрушая жилища, создавая и уничтожая города. Одни народы сменялись другими и их вздохи, плач и иступленный крик были так велики, и «обрывки всех наречий, ропот дикий, слова, в которых боль и гнев и страх, плесканья рук, и жалобы, и вскрики сливались в гул, без времени, в веках, кружащийся во мгле неозаренной, как бурным вихрем возмущенный прах». Какой-то оркестр играл торжественную, до боли знакомую и понятную мелодию. И все это, появившись ниоткуда, вдруг стало исчезать в глубокой небесной лазури, что вновь проглядывала в разорванных клочьях грозных туч.¹

Я вдруг очнулся от холода, словно пробужденный от тяжелого сна. Ударом молнии меня, видимо, отбросило к ручью. Одежда была мокрой насквозь и вокруг все залито водой. Я приклонился к живительному истоку, сделал несколько глотков и, вспоминая видения, мелькавшие передо мной несколько минут назад, подумал, что какая-то неведомая волшебная сила открыла передо мной страницы памяти воды, текущей во все стороны горизонта и хранящей в каждой своей капле тайну мироздания.

Выше, освещенная солнцем, возвышалась Улуу Тоо. Неожиданно налетевшая гроза, прогремевшая и просверкавшая, исчезла также внезапно, как и появилась, выстрелив напоследок снежным зарядом. Вокруг было бело. Из-под свежего снега лишь торчали щетинистые верхушки трав, да горели оранжевыми огоньками цветы многолепестника. Вверху, освещенная солнцем, сверкала Великая Гора. Грозобоище все еще дымило и снизу раздавались далекие

¹ Данте «Божественная комедия»

раскаты грома: там была чернота и бушевала непогода. А здесь светило солнце, сияла снежная белизна, и над ней пролетал неведь откуда взявшийся мотылёк.

Издали доносился крик – это меня разыскивал Жакшылык. Я поднялся на ноги и пошел вниз.

Улуу тоого чыккан барбы
Улардын унун уккан барбы!
На вершине Великой горы
Слышится голос улара!

Горные промыслы страны Ала-Тоо

Природные богатства гор Ала-Тоо всегда манили торговцев близких и дальних стран. Здесь добывали железо, олово и свинец, а уголь и соль вывозили и продавали на базарах Коканда, Кашгара и Кульджи. Средневековые города Таласской долины являлись центрами по производству серебра и были разрушены не полчищами завоевателей. Иссякли серебряные рудники Шельджи, золотые россыпи Кассана и Чаткала, и не стали заезжие купцы посещать эти земли – «рыночная экономика» того времени превратила города металлургов в развалины...

Истоки горного дела в Кыргызстане уходят в глубь веков. Еще неандертальцы (100—50 тысяч лет тому назад) добывали в каменоломнях и обрабатывали кремль, изготавливая различные орудия труда. На территории Чуйской долины, Иссык-Кульской котловины и Внутреннего Тянь-Шаня найдены крупные клады эпохи поздней бронзы, содержащие в отдельных случаях свыше двадцати наименований металлических предметов. Все они были произведены на месте, о чем свидетельствуют находки литейных форм, слитков-полуфабрикатов и геохимическое родство металла найденных кладов. Много бронзовых изделий – предметы орудий труда, оружие, украшения – найдены на поселениях северо-восточной Ферганы, в том числе и на территории современного города Ош. К эпохе бронзы относятся многочисленные древние выработки Таласского рудного района. Не исключено, что в это же время велась и добыча олова на Сарыджазе и Учкошконе. Об этом свидетельствуют не только древние выработки, но и то, что эта высокогорная территория была обжита человеком еще в неолитическое время.

Первые века новой эры – время наивысшего расцвета государства Давань на юге нашей Республики. Здесь добывали киноварь, золото и железо. На территории современного города Сулюкта находился город Марсманд, в котором проходили широко известные ярмарки, где главным товаром было железо высокого качества. Оружие, изготовленное из него, пользовалось успехом в Хорасане и Багдаде. Древние рудокопы обрабатывали маломощные гематитовые жилы и прожилки, небольшие «рыжие зоны» окисленных руд и основным критерием «рентабельной отработки» было обилие топлива. Железо добывали не только из коренных пород.

В XIX веке кыргызы собирали черный песок на берегах Иссык-Куля, отделяли железный блеск промывкой, а затем обжигали концентрат на простых кузнечных горнах и выковывали сошники, топоры, ножи, сабли, гвозди...

О богатстве гор Ала-Тоо среднеазиатский географ X века ал-Истахри в «Книге путей государств» писал, что «в этих горах от начала до конца рудники серебра и золота, и самые богатые из них те, что близки к стране хырхызов». Имеются здесь и «медный купорос, ртуть, медь, олово, золото, чираг-санг, смола, асфальт, нефть и бирюза, и нашатырь... и камни, что горят, как уголь».

Кроме металлов добывались глины для керамических изделий, кобальтовые, свинцовые охры и киноварь для глазурирования керамики, гипс для штукатурки стен (ганч), различные соли и окислы для приготовления лекарств. Высококачественное серебро, добытое в местности Шельджи, расходилось по всему миру. Здесь зарегистрировано 78 объектов со следами древних выработок и плавки руды. Было выявлено древние карьеры, штольни и шахты. Иногда длина проходки достигала 150—300 метров.

В Таласской долине немало старых городищ. Все современные населенные пункты, включающие в своих названиях слова Добе, Куль или Коргон, находятся вблизи древних развалин. Археологическая изученность даже самых крупных исторических объектов слабая, а большинство из них не изучено вовсе. В отдельных городищах археологи выявили материал и строения VII—XIV веков. В ремесленных кварталах Теракента Мирой Бубновой были найдены и описаны остатки многочисленных плавильных печей и огромное количество шлаков. Слои, в которых было обнаружено металлургическое производство, датируются не ранее IX века. Именно с этого времени здесь начинается расцвет городской жизни, связанной с горнодобывающим и металлургическим производством. К этому же времени относятся и рунические памятники древнекыргызской письменности, появившиеся здесь вместе с народом, пришедшим с алтайских гор и енисейских равнин. Китайский географ танского времени Цзя Дань отмечал, что тамошние кыргызы славились как искусные металлурги и производители железных изделий и оружия, которым они даже снабжали своих соседей тюрков.

Одним из редких металлов, добываемых на территории Кыргызстана, была ртуть. «Она, писал ал-Бируни, – добывается из каких-то красных камней, которые раскаляют в печах, пока они не трескаются и из трещин их не вытекает ртуть; некоторые же размалывают эти камни и перегоняют их посредством дистилляции в приспособлениях в виде тыквенных бутылей и перегонных кубов, а ртуть собирается в приемниках». Многочисленные древние выработки находились в Хайдаркане, Чаувае, Кадамжае и других местах. Ртуть часто добывалась совместно с сурьмой. Значительная часть ртути в средние века использовалась для амальгамирования золота.

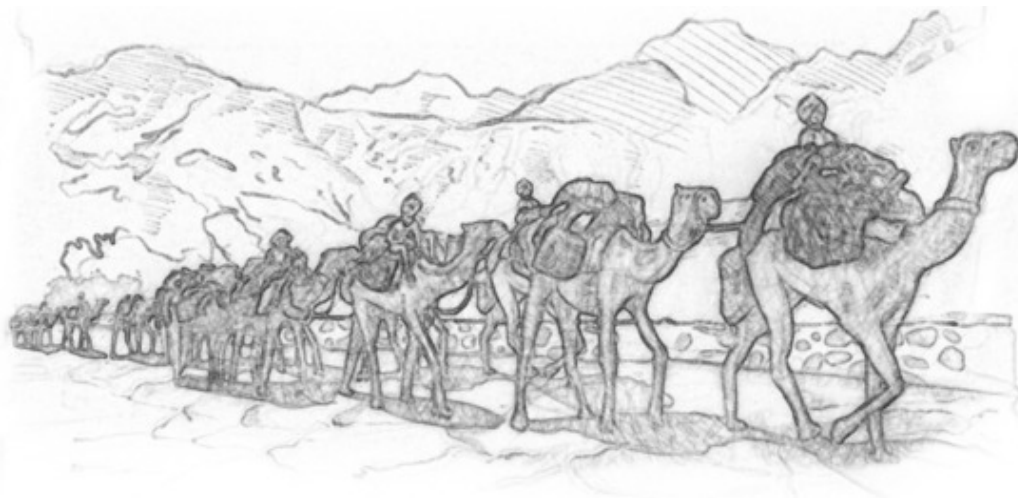
Добыча золота в горнодобывающих промыслах средневековья занимала большое место. Только в Таласском рудном районе зафиксировано 6 коренных разработок. В бассейне Чаткала также имело место развитие горного промысла с преобладанием добычи золота. Следы добычи россыпного золота наблюдаются на Сусамыре, в Чаткале, Алае в виде отработанных отвалов. Наиболее крупные площади они занимают по террасам реки Кассан-Сай. Такие огромные полигоны трудно встретить где либо еще. В Алае и в долине реки Кассан золото продолжали мыть и в XIX веке. При промывке золотоносных песков использовались шырдаки и кошмы, на которых оставались крупинки золота.

В жизни народов большое место занимали различные предметы украшений. Среди редких минералов, которые пользовались особым спросом, была бирюза. Добывалась она и в копиях к югу от Исфары в урочище Самаркандек. Здесь зарегистрировано более 30 древних выработок – подземные и карьеры. В отвалах найдена керамика IX – XII веков. Древние и античные модницы украшались золотыми и серебряными кольцами, браслетами и подвесками, сурьмяными бусами, использовали графит и сурьма-таш для макияжа.

Пожалуй, на всех месторождениях, открытых современными геологами, кроме разве Кумтора, найдены следы древних рудокопов. С помощью народных рудознатцев открывались многие месторождения. Так Турсуналы из Кемина стал соавтором геологов при открытии свинцового месторождения Боорду, известный манап Шабдан ходатайствовал перед властями о выдаче ему разрешения на производство разведки и эксплуатации медных руд в 120 верстах от Токмака, где им был установлен заявочный столб. В XIX веке кыргызы в урочище Кавак и на перевале Буркут добывали свинец для отливки пуль. Английский путешественник Мир Изет-Улла, описывая путь из Кашгара в Коканд через Алай в 1812 году, упоминает кыргызские копи Шор-Булак, где добывался и выплавлялся свинец. О том, что свинец добывался в кыргызских горах в большом количестве, сообщается и в «Обзрении Кокандского ханства» 40-х годов XIX века. Там же говорится о двух серебряных рудниках: одном к северу от Сыр-Дарьи в горах Ала-Тоо, другом – в Кетмень-Тюбе. Местным жителям были известны и большие залежи свинцового блеска в известняках на реке Джумгол и месторождения медных руд в Приисыккулье.

Горные промыслы в горах Ала-Тоо развивались на всем протяжении человеческой цивилизации и не только в периоды расцвета государств Давань, Согдианы и Мавераннахра. Население горного края всегда умело мудро распорядиться своими богатствами.

Великий шелковый путь

Трансконтинентальный караванный путь из Центральной Азии в Европу был издавна известен народам. Вдоль него возникали и гибли великие державы, расцветали и приходили в упадок торговые города и поселения. Здесь происходило активное общение народов, обмен духовными и материальными ценностями. Развитие сложной системы Великого шелкового пути шло со всех сторон горизонта. Проложенный отважными первопроходцами этот путь от Великого океана достигал стран Средиземноморья, пересекал горные хребты Гиндукуша, Копетдага, Тянь-Шаня, преодолевал большие и малые реки, пустыни и степи. Между столицами Древнего Китая и Древнего Рима протяженность пути составляла около семи тысяч километров. И, хотя отдельные его участки назывались «нефритовый путь», «лазуритовый путь», «янтарный путь», он вошел в историю под общим названием Великий шелковый путь. Китайские историки называют Чжан Цзянь основоположником Шелкового пути. Но еще воины Александра Македонского увидели в Согдиане большой цветущий город Мараканда (Самарканд), находящийся на перекрестке важнейших караванных дорог из Китая и Индии. По Великому шелковому пути в Согд везли шелк, изделия из лака и кожи, нефрит и железо, пряности и благовония, вывозили стеклянные изделия, драгоценности, ткани и ковры. Китайские исторические хроники дают описание двух караванных путей в дальние страны: южного (прикуньлуньского) и северного (притяньшаньского). Южный путь, начинаясь от ханьской пограничной заставы Янгуань, шел вдоль южного берега озера Лобнор и по подножью Куньлуня выводил в Яркенд. Северный путь начинался у заставы Юмынь, затем через Турфан шел вдоль тяньшаньских гор по реке Тарим на запад до Кашгара. От Яркенда и Кашгара начинался выход через горные перевалы к странам Ближнего востока и Индии. По территории современного Кыргызстана проходило три ветви Великого шелкового пути: Южная ветвь от Кашгара через Иркештам выходила на Алай, затем спускалась по реке Аму-Дарье вниз до Термеза и далее к Балху и Мерву. В разное время этим путем прошли македонский купец Маэс (Птолемей II в. н.э.), Сюань Цзянь, возвращаясь из Индии (VII в. н.э.), Марко Поло (XII в. н.э.). Ферганская ветвь из Алая приводила к Ошу. Одна из достопримечательностей этого города – гора Тахти-Сулейман может быть отождествлена с каменной башней (Ташкурган) Птолемея, главного ориентира на Шелковом пути, описанного им. Из Оша караваны могли следовать в различных направлениях – на запад в сторону Самарканда и Ташкента или на восток через Узген к верховьям Нарына и к Иссык-Кулю. Именно через Алай и Фергану во II в. до н. э. прошел Чжан-

Цань, открывая Китаю Западные земли. Северная ветвь из Ташкента через Чимкент, Тараз, Кулан, Мерке, Кара-Балты (Нузкет), Бишкек (Джуль), Красная Речка (Невакет), Ак Бешим (Суяб), Бурана (Баласагун) вела к Иссык-Кулю, на южном берегу которого находился крупный торгово-перевалочный пункт – Верхний Борсхан. По этому пути в 629—645 годах Сюань Цзян, китайский буддийский священник, совершил паломничество к святыням Индии и оставил историко-географическую информацию в «Записках о Западном крае Великой Тан» («Да Тан сиюй цзы»). Неведомо какими перевалами, испытывая трудности и опасности и пройдя около четырехсот ли через горы, Сюань Цзян прибыл к большому озеру Цинь-чжи, что в переводе с китайского означает «прозрачное». Это был Иссык-Куль, окруженный со всех сторон горами. Ни о каких поселениях по берегам Иссык-Куля Сюань-Цзян не упоминает, хотя в своих записках он дает описания тридцати четырех стран, в том числе городов Северного Тянь-Шаня: Суяба, Невакета, Таласа. Эти поселения согдийцев появились вдоль Великого шелкового пути в V – VI веках. Половина населения в них обрабатывала поля, а другая занималась торговлей. «В этом населении высшей целью является материальное приобретение... Не обращают ни малейшего внимания на связи крови или другие отношения, когда могут приобрести какую-либо материальную выгоду... После жадности и страсти к приобретению, главная черта горожан – скупость, лютость и лицемерие». Состояние торговли в значительной степени определялось отношениями купцов с тюрками. Одни тюрки грабили караваны, другие обеспечивали их охрану, выполняя союзнические обязательства, взимая плату за безопасность и проводников. Те и другие вместе с согдийцами богатели. Нередкие стычки между земледельцами и обитателями степей вынуждали горожан строить длинные оборонительные стены, защищающие не только город, но и окружающие его возделываемые земли. Иногда властителями этих городов становились выходцы из кочевников. И чтобы выжить горожанам иномадам приходилось приспособливаться друг к другу. Цветущие города отличались красочной мешаниной народов и религий. Здесь сочетались языческий шаманизм тюрков, несторианское христианство и буддизм. За рекой Чу в 40 ли на север от города Суяба находилась гора Kie-tan-chen, (возможно гора Кирепис-Таш – экзотический Токмакский Календарь) – местопребывание хана тюрков. Здесь же «около места, где ныне стоит Токмак, паломник встретил Тун-Джабгу-хана, который развлекался охотой. Сюань Цзяна поразило множество прекрасных лошадей. Хан был одет в халат из зеленого атласа; голова его была непокрыта, только узкая шелковая лента перехватывала лоб и удерживала волосы, ниспадавшие на плечи. Хана окружала свита из двухсот всадников, одетых в парчовые халаты. Их волосы были заплетены в косы. Прочие воины сидели на верблюдах или лошадях. Они были одеты в меховые или полотняные одежды и вооружены длинными копьями с флажками и прямыми луками. Их было так много, что конца войску не было видно». (Гумилев Л. «Древние тюрки»). Это был 630 год, однако, блеск и богатство не отражали действительного положения тюрков. Еще в начале столетия Великий тюркский каганат развалился надвое – на Западный и Восточный – по естественной границе – Тарбагатаю. Эпоха Великих морских открытий XV – XVI веков перенесла ось общения между Западом и Востоком на просторы океанов. Основная торговля перешла к Великому морскому пути, да и Китай самоизолировался и закрылся от мира «шёлковым занавесом» и от Великого шелкового пути сохранились только отрезки во внутренних частях континентов. В XVIII и XIX веках эти отрезки попадают в сферу интересов колониальных держав и становятся путями передвижения участников борьбы за раздел Центральной Азии. В наше время по многим древним караванным тропам проложены автомобильные и железные дороги, иные тропы стали забытыми и «непроходимыми».

От основных караванных дорог Великого шелкового пути отходили многочисленные ответвления, которые на протяжении веков являлись жизненными артериями, связывающими народы друг с другом. Труднодоступные горные проходы соединяли кочевников с городами Прииссыккулья и Алты-Шаара. Еще в конце XIX- начале XX веков через эти перевалы шли

торговые караваны с бумажными и шелковыми тканями из Аксу и Уч-Турфана в Пржевальск (Каракол), и с ситцами и металлическими изделиями в обратном направлении. И у каждого купеческого каравана был свой любимый путь.

Все поперечные пути связывались многочисленными путеводными ручейками продольных долин. По этой сети больших и малых дорог передвигались люди, обогащая друг друга своими контактами.

В середине XX века государственные границы СССР и КНР были «закрыты на замок» и только через перевал Торугарт по автодороге Фрунзе (Бишкек) – Рыбачье (Балыкчы) – Кашгар, периодически затухая, поддерживалась связь с Китаем.

В новое время открытости и взаимопонимания экономические и культурные связи между странами играют большую роль. Древняя трансконтинентальная трасса оживает как дорога мира, цивилизации, прогресса и творческого диалога народов.

На небольшом участке Шелкового пути, проходящего по Республике Кыргызстан, почти целиком лежащей среди горных хребтов Тянь-Шаня, встречаются многочисленные свидетели прошлого – стоянки каменного века, курганы, каменные изваяния, наскальные рисунки, следы древней ирригации, развалины городов и т. д. Тяньшаньский горный массив нельзя было обойти при освоении пути, связывающего Восток с Западом. Подступами к Тянь-Шаню пытался овладеть Александр Македонский (IV в. до н.э.), его штурмуют китайские войска императора У-Ди (104—99гг. до н.э.), часть его покоряют танские войска (654 и 748 гг.), свои первые удары перед походом на Запад обрушивает Чингиз-хан (XIII в.), его завоевывает Тимур (XIV в.) и кокандские ханы (XIX в.), с середины XIX в. началось присоединение этой территории к России. И в этом водовороте времен и событий здесь происходило формирование этнической общности кыргызского народа.

Наиболее значительными историческими памятниками Внутреннего Тянь-шаня являются Ат-Баши, Таш-Рабат, гумбез Тайлака. Ат-Баши (современные развалины Кошой-Коргон) был крупным городом крепостью-ставкой тюркских феодалов в VIII—IX веках. Прямоугольное многокупольное здание Таш-Рабата целиком выстроено из каменных плит. За глухими стенами находится множество внутренних помещений. Считается, что Таш-Рабат служил крепостью-пристанищем отшельникам и местом обучения основам буддийской религии, а также убежищем для торговых караванов. Археологи относят его сооружение к домонгольскому времени. Гумбез Тайлака – архитектурный памятник XIX века – был воздвигнут в честь известного кыргызского героя – борца за независимость народа против цинских и кокандских завоевателей.

По берегам Иссык-Куля в средние века было много городов и поселений. Возникновение большинства из них относится к X—XI векам. Здесь были развиты земледелие, ремесло, торговля. Но к концу XVI века оседло-земледельческая культура в Прииссыккулье приходит в упадок. Города разрушаются и исчезают. Одной из причин их гибели явилась трансгрессия озера Иссык-Куль. Подводные развалины вызывают большой интерес и, возможно, где-то на дне Иссык-Куля скрывается древняя столица усуней (скифов) – Чига, которая еще ждет своего открытия.

В Чуйской долине привлекают внимание цепочки величественных «царских» курганов скифского времени. Они еще не изучены, но отдельные находки из разрушенных захоронений отличаются богатством и изяществом золотых украшений, что ставит эти памятники в один ряд с известными комплексами Причерноморья. Здесь же можно посетить развалины города Невакет (городище Красная Речка) и сохранившийся до наших дней памятник времен тюркских каганатов башню Бурана (XI в.).

Еще в конце XIX века французский писатель Жюль Верн в своем приключенческом романе Клодиус Бомбарнак отправил репортера французской газеты «XX век» по Великой

Трансазиатской железной дороге из Европы до столицы Поднебесной Империи. Когда Жюль Верн писал роман, железная дорога была проведена только от Красноводска до Самарканда.

Репортер французской газеты «XX век» Клодиус Бомбарнак из Бордо, будучи в Тифлисе, получил задание редакции проехать по Великому Трансазиатскому пути до столицы Поднебесной Империи и направлять письмами или телеграммами свои хроникальные заметки. Клодиус Бомбарнак принадлежал «к тому сорту людей, которые считают, что все на свете служит материалом для репортажа и что земля, луна, небо и сама вселенная только для того и созданы, чтобы давать темы для газетных статей». Значит его перо не будет бездействовать и он не упустит ни одной интересной подробности из путешествия. С помощью красноречивого вступления, эффектной завязки, преувеличений, антонимов, метафор, тропов и других риторических фигур он мог приукрасить, возвысить, возвеличить и подать публике любое рядовое событие. «Охотник за новостями» всю поездку мечтал о том, что бы в пути что-нибудь приключилось, в то время как мимо проплывала страна, где происходил империалистический раздел Азии между Англией и Россией. И только авторские ремарки Жюль Верна открывают читателям эпизоды этой большой игры и древнюю историю Туркестана.

«Репортер подобен охотнику, который долго шныряет по кустам, прежде чем нападает на след какого-нибудь таинственного героя, который путешествовал бы инкогнито, будь то знатный аристократ или обыкновенный бандит. Нельзя забывать, что мы, репортеры, играем двойную роль – и как ловцы интересных фактов, и как искатели объектов, достойных интервью... столько-то за строчку. А потому самое главное – уметь выбирать. Кто хорошо выбирает, тот и преуспевает», – так говорит Клодиус о своей профессии. И он выбирает среди пассажиров жертв для своих репортажей.

Это американец Фульк Эфринель из торгового дома «Стронг Бульбуль и К^о» в Нью-Йорке, который еженедельно экспортирует по пять тысяч ящиков зубов во все пять частей света и достопочтенный Натаниэль Морз из Бостона, типичный янки-миссионер, честно торгующий библией. Такие, как он, умеют ловко совмещать проповедническую деятельность с коммерцией.

Костлявая и сухопарая дочь Альбиона мисс Горация Блуэтт – представительница солидной лондонской фирмы торгового дома Гольмс-Гольм, получающего ежегодно из Поднебесной Империи сотни тонн женских волос на сумму в два миллиона фунтов стерлингов. Еще один англичанин – сэр Фрэнсис Травельян из Травельян-Голла в Травельяншире, с презрением пожимающий плечами при виде того, что здесь совершили русские. Он как бы воплощал в себе беспредельную зависть своей нации. Ведь Англия никогда не могла примириться с тем, что русские железные дороги пройдут от Европы до Тихого океана, тогда как британские пути остановились у Индийского!

Французская чета комических актеров Катерна. Немецкий путешественник барон Вейсшнитцердерфер, мечтающий побить мировой рекорд, совершив кругосветное путешествие за тридцать девять дней! Безбилетник Кинко – человек из багажного вагона в ящике, принадлежащем красивой румынке Зинке Клок.

То ли отъявленный злодей, то ли герой монгол Фарускиар – директор Правления Великой Трансазиатской магистрали.

Русский военный врач, майор Нольтиц и пять или шесть купцов из южной России, крестьяне-переселенцы. Туркмены, киргизы, персы, афганцы, китайцы. «Китайцы, несомненно, принадлежат к очень умной расе, весьма склонной к промышленному прогрессу... не сомневаюсь, что в один прекрасный день она станет во главе цивилизованного мира... конечно, вслед за славянской!»

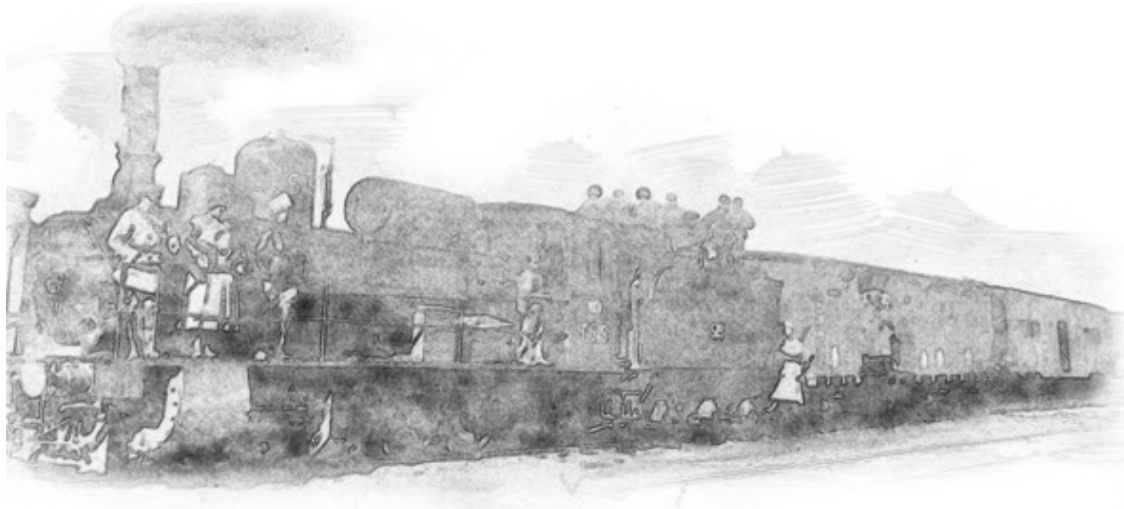
Чарджуй, на тысяча пятой версте. Это довольно значительный городок Бухарского ханства, до которого Закаспийская дорога доведена в конце 1886 года, через семнадцать месяцев после того, как была положена первая шпала. Старые и новые города Мерва, Самарканда

и Ташкента. Коканд, Маргелан и наконец в три часа утра – сорокапятиминутная остановка на станции Ош. «Тут я вторично пренебрег своими репортерскими обязанностями и ничего не увидел, – записал французский репортер. – Оправдаться я могу лишь тем, что и здесь смотреть не на что. За станцией Ош полотно железной дороги выходит к границе, отделяющей русский Туркестан от Памирского плоскогорья и обширной страны кара-киргизов».

А дальше Китай, дерзкое нападение разбойников в Гоби, подвиг Фарускиара – как он отбил нападение на поезд и не только спас сокровища богдыхана, но и навсегда избавил страну от грозного разбойника Ки Цзана.

В наши дни строительство такой дороги уже перестает быть фантастикой. Заинтересованные страны обсуждают концепцию Нового шелкового пути «Один пояс – один путь».

Правда о золотом эшелоне

В городе Кургане одна из центральных улиц названа именем Василия Ивановича Бурова-Петрова – командира партизанского отряда, когда-то арестовавшего Колчака. В курганском парке Победы Бурову-Петрову установлен памятник. В историческом музее за стеклянной витриной висит групповая фотография 1916 года, где среди музыкальной команды военного полка выделяется высокий статный прапорщик Михаил Николаевич Петров. И его же фотографии 1917 года, как одного из деятелей установления советской власти в Кургане – первого военного комиссара и комиссара финансов Южного Зауралья. И сегодняшняя Курганская областная газета «Новый мир» была создана в 1917 году при участии Михаила Петрова.

В Иркутском областном краеведческом музее Василий Буров – он же Михаил Петров – запечатлен на фотографиях сибирских красных партизан.

В Киргизском государственном историческом музее в городе Бишкеке и центральных исторических архивах Кыргызстана хранятся фотографии и личные дела Василия Ивановича Бурова-Петрова – ответственного секретаря компартии Киргизской автономной области в 1920-е годы.

И это все один человек – старший брат моего отца Михаил Николаевич Петров, сменивший имя и фамилию на Василий Иванович Буров-Петров.

В грозном 1919-м его судьба вдруг схлестнулась с судьбой тогдашнего омского «верховного правителя России» адмирала Колчака.

В сегодняшней историографии душегуб Колчак нередко как бы свой в доску. В память палача, ответственного за террор и массовые убийства, устанавливают мемориальные доски и памятники, снимают кинофильмы, его именем называются улицы и площади. Интересно, что в городе Омске многокилометровую Иртышскую набережную собирались назвать набережной Колчака. И она бы стыковалась через устье неширокой реки Омь с набережной Тухачевского и «верховный» там как бы вновь столкнулся с изгнавшим его из Омска в 1919 году командармом Тухачевским.

В мае 1918 года Михаил Николаевич Петров был арестован в городе Кургане белочехами. Он сидит в омском концлагере, а в декабре 1918-го, переодевшись в белого офицера, бежит и скрывается в иркутском подполье. В 1919 году Михаил Петров легализовался под именем Василия Ивановича Бурова и в Черемховском районе Прибайкалья руководит красным партизанским движением.

Между тем, в начале 1919 года состоялась церемония приведения адмирала Колчака к присяге как верховного правителя России и верховного главнокомандующего Русской армией. Но уже в ноябре того же года войска Красной армии вышибли колчаковцев из Омска. Эшелоны отступающей армии Колчака растянулись вдоль Транссибирской магистрали. В январе 1920 года на станции Иннокентьевской партизанский отряд Василия Булова задержал поезд Колчака. Адмирал был арестован. Глава французской военной миссии, главнокомандующий союзными войсками в Западной Сибири, в том числе мятежным Чехословацким корпусом, генерал Жанен пытался воспрепятствовать аресту Колчака. Но «станция была оцеплена отрядом тов. Булова. Сюда же приехали из Иркутска генерал Жанен и представители политцентра. Буров был невозмутим. Он... твердо заметил, что Колчака повезет в Иркутск сам... снял чешский караул, посадил на поезд своих партизан, сел в вагон к Колчаку и дал сигнал к отправлению». Так писала об этом событии главная советская газета «Правда» 16 января 1935 года.

Вечером 15 января 1920 года поезд с Колчаком в сопровождении отряда Булова прибыл в Иркутск и Верховный правитель Сибири был препровожден в тюрьму. Следом в Иркутск подошел и «золотой поезд».

Во время Первой мировой войны золото России из банков Петрограда и Москвы было перемещено в Казань. В хранилищах находилось 80 тысяч пудов драгоценностей. По приказу Председателя Совнаркома Ульянова-Ленина на нужды революции в Москву сначала вывезли 20 ящиков, а затем еще 80 ящиков с золотом. Белая армия наступала, и большевики вывезли золото в Самару, а потом – в Уфу и дальше в Омск. Более 500 тонн золота на сумму 651 миллион 532 тысячи 117 золотых рублей было размещено в кладовых Омского отделения Госбанка.

Власть в Сибири перешла к Колчаку и «верховный правитель» стал распорядителем золотого запаса России. Белые, также как и большевики, это золото тратили на братоубийственную гражданскую войну. В марте 1919 года было отправлено во Владивосток и далее на текущие счета фирм, поставляющих оружие белой армии, 3 тысячи 232 пуда золота. Всего же Колчаком на содержание своей армии и армии атамана Семенова было истрачено 11 тысяч 500 пудов золота.

После ареста Колчака из Иркутска «золотой поезд» тронулся в обратный путь. В Казани советскому правительству было передано драгоценностей на сумму 409 миллионов 625 тысяч 117 золотых рублей или более 315 тонн золота. Именно столько было в остатке после задержания Колчака и «золотого поезда».

Как это золото было потрачено большевиками – уже другая история. Известно, что к 1928 году золотой запас СССР составлял всего 150 тонн.

Колчак был расстрелян. Иностранцы свидетельствовали, что адмирал «окружил себя бывшими царскими чиновниками, а поскольку крестьяне не хотели брать оружие и жертвовать своими жизнями ради возвращения этих людей к власти, их избивали, пороли кнутами и хладнокровно убивали тысячами». Все попытки реабилитировать военного преступника приводят к однозначному решению: в реабилитации отказать.²

Василий Иванович Буров продолжал бороться за советскую власть в Забайкалье, командовал 1-й Иркутской дивизией, освобождал Читу от банд Семенова и японцев. В 1921-м – 22-м годах Буров – командующий армией и военный министр Дальне-Восточной Республики. Его на этом посту сменил Василий Блюхер.

² Согласно определению Военного суда Забайкальского военного округа от 26 января 1999 года, в посмертной реабилитации А. В. Колчака было отказано. Среди оснований, указанных в определении, значилось: «А. В. Колчак не остановил террора в отношении гражданского населения и как человек, совершивший преступления против мира и человечности, не подлежит реабилитации».

Что это была за Дальне-Восточная Республика прекрасно написал Виктор Ким в романе «По ту сторону». «О, это была веселая республика – ДВР! Она была молода и не накопила еще того запаса хронологии, имен, памятников и мертвецов, которые создают государству каменное величие древности. Старожилы еще помнили ее полководцев и министров, пускающими в лужах бумажные корабли, помнили, как здание парламента, в котором теперь издавались законы, было когда-то гостиницей, и в нем бегали лакеи с салфеткой через руку.

Республика была сделана только вчера, и сине-красный цвет ее флагов сверкал, как краска на новенькой игрушке. Столица республики – Чита – утонула в песках; на улицах в декабре, в сорокаградусный мороз, лежала пыль, – это производило впечатление какого-то беспорядка. Над городом висел густой морозный туман, на горизонте голубели далекие сопки. В парламенте бушевали фракции, что-то вносили, согласовывали, председатель умолял о порядке. В дипломатической ложе сидел китаец в галстук бабочкой, с застывшей улыбкой на желтом лице и вежливо слушал. Над председателем висел герб, почти советский, но вместо серпа и молота были кайло и якорь.

Флаг был красный, но с синим квадратом в углу. Армия носила пятиконечные звезды – но наполовину синие, наполовину красные. И вся республика была такой же, половинной. Граждане относились к ней добродушно, с незлобивой насмешкой, но всерьез ее как-то не принимали. И когда началась война, население митинговало, решая вопрос: идти ли на фронт защищать республику или остаться дома и бороться с белыми каждому за себя, за свой двор, за свою деревню, за свой город», – пишет Виктор Ким.

Из ДВР Бурова, как уроженца Туркестана, знающего местные обычаи и языки – тюркский и фарси, направляют в распоряжение Туркестанской АССР. Это на несколько лет продлило ему жизнь, так как большинство партизанских командиров – главных устроителей советской власти на Дальнем Востоке – не умерли в своей постели, а этой же властью были расстреляны в 1937—39 годах.

В Туркестане Михаил Николаевич Петров уже известен под именем Василий Иванович Буров-Петров. В Ташкенте он заместитель председателя Центрального совета народного хозяйства Туркестанской республики, является членом ЦККПТ и Тур ЦИКа. Есть сведения и о том, что Буров-Петров был ответственным редактором ташкентской газеты «Туркестанская правда».

В Фергане, Андижане, Джизаке и Катта-Кургане он разыскивает и собирает вместе разбросанную революцией семью Петровых.

В 1924 году Бурова-Петрова направляют в Киргизию. Он член Революционного комитета Кара-Киргизской автономной области, заведующий орготделом, ответственный секретарь Киргизского обкома, был одним из создателей Киргизской Автономной республики, по существу одним из отцов – основателей первого государственного образования кыргызов.

В августе 1926 года Буров-Петров был направлен в Белоруссию на работу в Совете Народных Комиссаров, но по дороге его оставили в Москве в должности заведующего учраспредом ВСНХ СССР. В 1936 году тяжело больным он переезжает в Курган и вскоре здесь умирает. Буров-Петров похоронен в городском парке Кургана.

Где родился командарм?

В государственном мемориальном доме-музее Михаила Фрунзе хранится «Метрическая книга, данная из Туркестанской духовной консистории беловодской Михайловской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1885 год». Под цифрой 7 значится появившийся на свет 21 января и крещенный 25-го Михаил, сын Василия Михайлова Фрунзе и законной жены его Мавры Евфимиевны, оба православные. Крестными отцом и матерью были соликамский купеческий сын Илья Алексеев Баранов и жена писмоводителя Токмакского уездного начальника Мария Евфимиевна Терентьева. Таинство крещения совершил иеромонах Нил.

Кирпичный храм в Беловодском был разрушен землетрясением и в 1893 году на его месте воздвигли деревянную церковь Архангела Михаила. Так, может быть, и родился будущий командарм в Беловодском и должно это селение по праву называться Фрунзеградом.

А вот дом, бережно охраняемый сотрудниками в бетонном кубе музея, не является домом, в котором родился и провел детские годы Миша Фрунзе.

Вскоре после перевода управления уездом из города Токмака в Пишпек военный фельдшер Василий Михайлович Фрунзе подал прошение начальнику Токмакского уезда о разрешении занять в Пишпекке место для постройки дома. 7 июня 1879 года Пишпекский городской комитет выделил В. М Фрунзе участок в городе Пишпекке. Дом, построенный военным фельдшером, находился на углу улиц Васильевской (ныне Раззакова) и Судейской (ныне Фрунзе). Четыре окна дома, украшенные наличниками с деревянными ставнями, выходили на улицу Васильевскую, а со стороны Судейской был парадный вход на обширную, открытую во двор веранду. К дому примыкал длинный флигель с кладовыми, летней кухней и амбулаторией.

В 1937 году в доме Василия Фрунзе произвели большой ремонт и разместили Киргизский Музей Революции. Организация Музея Революции требовала включения в экспозицию не только местного краеведческого материала, но и документы классового, революционного и всесоюзного масштаба. Недостаток помещений дома Василия Фрунзе решили восполнить комнатами во флигеле, и еще хотели прихватить соседний Дом обороны, в котором в то время размещался кинотеатр «Ударник», а также планировали построить во дворе дополнительный музейный павильон.

В небольшом флигеле, сохранившемся до наших дней, создавали жилую обстановку XIX века. Покупались школьные учебники того времени, старые медицинские книги, издания

Жюля Верна, Майн Рида, Фенимора Купера. Разыскивались предметы мебели, посуда, охотничье снаряжение: ружье Зауэра, патронташ, сумка, подобные тем, какие могли быть в семье Фрунзе.

После смерти Михаила Фрунзе Мавра Ефимовна – мать полководца засобиравалась в Москву и распродала домашние вещи. Моей бабушке Елизавете Васильевне, как белошвейке, приглянулась ручная швейная машинка, и она ее купила. Долгие годы эта машинка была у бабушки ее помощницей и кормилицей.

Организаторы музея пришли и к нам за швейной машинкой. Бабушка была не против сдать ее в музей, только не за деньги, а просила взамен ножную швейную машинку. По тем временам это значило просить, например, сегодня представительский «Мерседес». Обмен не состоялся и никакие уговоры не помогли продать машинку. Для музея приобрели какую-то копию, а семейной реликвией Фрунзе мы пользуемся до сих пор. Машинка 1895 года, «Попов и К°, Nauman». Футляр от нее потерян, но она по-прежнему сверкает перламутровой отделкой и хороша при пошиве толстых тканей и кожи. Жаль, что это не пулемет или, на худой конец, не маузер командарма.

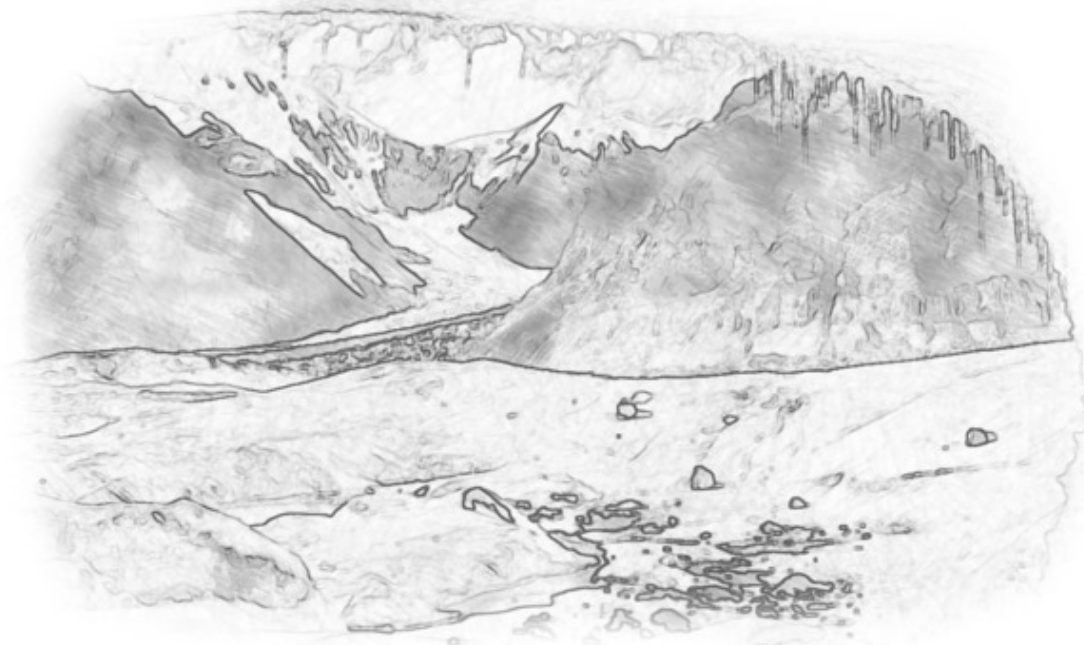
Выселение семьи Фрунзе из родного дома во флигель создателя музея узаконили опросом ряда граждан-старожилов города Фрунзе, родственников и Мишиной няни Лидии Тимофеевой. Но мне кажется, что в 1937 году руководящая партия не хотела показывать народу как достойно жила в царское время семья обычного рядового фельдшера.

В детстве Миша рос жизнерадостным и общительным ребёнком. К 5-ти годам он уже умел читать. В 7 лет пошел учиться в Пишпекское городское училище. Окончил его в 1896 году. В 10-ти летнем возрасте Мишу везут в город Верный (ныне – Алматы) и он поступает в гимназию, где уже учился его старший брат Константин.

Отец Фрунзе Василий Михайлович ушел из семьи еще в 1893 году и уехал в Аулиеатинский уезд. В 1897 году он умирает в селе Мерке. Мавра Ефимовна, оставшись вдовой с пятью малыми детьми, не опустила рук. Учеба детей требовала денег. В архиве сохранилось ее письмо-прошение в Пишпекское общественное городское управление от 28 февраля 1899 года. В нем она пишет: «Двое наших детей, Константин и Михаил, обучаются в Верненской мужской гимназии, первый в седьмом, а второй в третьем классе. По наукам старший идет хорошо, а младший даже очень хорошо. Воспитание этих двух сыновей в гимназии и еще двух девочек, Клавдии и Людмилы, в женских училищах требует больших расходов, которые до сих пор покрывались со смерти мужа средствами, образовавшимися от продажи имевшегося в Пишпекке дома. Но теперь средства эти истощились. Вследствие всего вышеуказанного я теперь поставлена в крайне тяжелое положение. Сердце мое холодеет при мысли, что стеснительное материальное положение может стать причиной выхода моих детей из учебных заведений и вследствие этого они могут остаться без образования, столь необходимого в настоящее время всякому человеку для обеспечения своего существования. В эту критическую минуту я решила обратиться к городскому управлению с усерднейшей просьбой прийти ко мне на помощь в деле воспитания детей, во внимание многолетней службы мужа на пользу пишпекского общества. Вследствие вышеуказанного, представляя при сем свидетельства об учебных успехах Константина и Михаила, прошу городское управление, не признает ли оно возможным назначить из городских сумм стипендию в размере от двух до трехсот рублей на содержание моих детей в гимназии и на приобретение учебников ежегодно впредь до окончания курса. Если почему-либо нельзя будет дать стипендию на обоих детей, то покорнейше прошу отпустить двести рублей на содержание одного младшего сына Михаила в пансионе при гимназии на правах вольноприходящего». Собрание уполномоченных города Пишпека назначило Михаилу ежегодное пособие на образование в размере 120-ти рублей. Учился Фрунзе очень хорошо, окончил гимназию в 1904-м году с золотой медалью и без вступительных экзаменов был принят на экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института.

Дальнейшая жизнь будущего командарма была связана с революционной деятельностью большевиков.

Из прошлого века о погоде завтрашней

К началу XX века в истории географического познания природы Средней Азии завершилась эпоха «классических» путешествий. Период с 1900 по 1917 год отличает большое число исследователей, детальность и площадной характер научных работ, которые ориентированы на практическое использование животного и растительного мира, водных и земельных ресурсов, поиски полезных ископаемых.

В значительной степени это было связано с переселением огромного количества безземельных крестьян из центральных частей царской России в Сибирь, Дальний Восток и южные окраины империи. Отмена крепостного права, а затем и столыпинские реформы разрушили вековую традицию общинного ведения сельского хозяйства. Разорившаяся русская деревня выталкивала за Урал миллионы людей в поисках лучшей доли. В эти годы число переселенцев на территорию современного Кыргызстана приблизилось к ста тысячам. Возникла необходимость активного участия государства в переселенческой политике, и в Российской империи было создано Переселенческое управление. Кроме статистико-экономического изучения, регламентации переселенческого движения и его финансирования, Переселенческому управлению были переданы функции Географического общества по изучению природы. При этом широко использовались новые прикладные научные направления – почвенно-ботанические, агрономические, гидрометеорологические.

В бассейне реки Сарыджаз работала почвенно-географическая экспедиция Переселенческого управления под руководством Владимира Николаевича Шнитникова. Этот замечательный исследователь природы уже много лет работал в Азии и в 1912 году возглавил экспедицию в суровые горные хребты и глубокие долины Центрального Тянь-Шаня. Успеху экспедиции во многом способствовали опытные и надежные проводники-кыргызы: Кудакельды, Садырбек и Султанбек. Кудакельды Кылдаев был проводником многих экспедиций, посещавших Тянь-Шань, и великолепно знал все горные тропы и речные броды. Атлетически сложенный, он обла-

дал огромной физической силой, рассказывали, что он мог один удержать падающую в пропасть лошадь. Однажды он столкнулся с медведем, который обхватил его в своих объятиях. Кудакальды не только устоял на ногах, но и, сжав зверя в своих тоже достаточно «медвежьих» объятиях, продержался, пока подоспели товарищи, которые убили медведя. Так о своих спутниках рассказывает в своих воспоминаниях Владимир Шнитников.

Летом 1913 года Шнитникова в экспедиции сопровождал его пятнадцатилетний сын Арсений. Он был очарован незабываемой картиной голубого озера-моря Иссык-Куля. На долгие годы Иссык-Куль станет его судьбой и поможет создать климатическую теорию, известную сегодня всему миру как теория Шнитникова. Но прежде ему довелось участвовать в двух мировых войнах и Гражданской войне в качестве военного пилота.

Теория многовековых колебаний увлажненности климата материков и циклического развития горного оледенения возникла у Асения Шнитникова при производстве аэросъемки ледников Тянь-Шаня, горного озера Иссык-Куль и степных озер Западной Сибири и Северного Казахстана. За это открытие он был удостоен золотой медали имени Н. М. Пржевальского Географического общества СССР.

В своей истории озеро Иссык-Куль подвержено вековым колебаниям. С удивительным постоянством его уровень то понижается, то повышается. Своей ритмичностью донные отложения озера отображают многовековые перемены климата. Особенно хорошими индикаторами климатических колебаний являются горные ледники. Шнитниковым было установлено, что ледники Тянь-Шаня с момента максимума последней ледниковой эпохи, именуемой вюрмом (11,7 тыс лет назад), повсеместно сокращались и поднимались все выше и выше в горы. Это сокращение носило стадийный возвратно-поступательный характер: ледники то опускались в долины, то отступали, оставляя у своих «языков» конечные морены и озера. В 1957 году Шнитников, обобщив в своей книге «Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария» громадный фактический материал, выделил и описал 1850-летние климатические периоды послеледниковой эпохи. Каждый 1850-летний ритм подразделяется на две фазы: теплую и сухую длинную (около 1200 лет), холодную и влажную короткую (около 400 лет) – и переходные этапы.

Арсений Владимирович Шнитников стал основоположником учения о ритмах в природе. Ритмичность природных процессов определяется вращением Земли вокруг своей оси (суточные циклы), вращением Луны вокруг Земли (месячные циклы), вращением Земли вокруг Солнца (годовые циклы), солнечной активностью (одиннадцатилетние циклы), космическим полетом Земли во Вселенной (1850-летние циклы) и другими Галактическими более продолжительными циклами неизвестного происхождения. Со всеми этими ритмами на земле связаны и эпохи горообразования, и великие экспансии ледников, смена ландшафтов и климата, и пути эволюции человечества.

Сегодня в моде тема глобального потепления, а погода за окном отказывается подтверждать строгие научные выкладки. Зимы во многих странах становятся все холоднее, лето запаздывает на целый месяц, а аномальные погодные явления (снег в мае, засухи, ураганы, тропические ливни) превратились в нечто заурядное. Климатические изменения последних лет приносят неожиданные сюрпризы сторонникам глобального потепления. Гренландский ледник Якобсхавн, известный тем, что когда-то от него откололся айсберг, погубивший «Титаник», начал расти в размерах, увеличивается и масса самого большого ледника на Земле – антарктического. Аномально холодные зимы в Европе и Америке, весенние заморозки и переменчивое лето свидетельствуют, что согласно теории Шнитникова и предсказаниям наших Тяньшаньских ледников, мы сегодня продолжаем жить в конце малого ледникового периода, но приближаемся в сторону великих засух. Засушливые годы и ледниковые колебания хорошо коррелируются с одиннадцатилетним циклом солнечной активности. Ритмичные изменения климата всегда происходили на нашей планете и палеонтологические данные свидетельствуют

о непрерывности жизни на Земле и отсутствии климатических катастроф за весь период наблюдений.

Получается, что теория А. В. Шнитникова живет и без ее учета невозможно проектирование водохранилищ, гидроэлектростанций, горнорудных предприятий, нельзя найти объяснение поведению рек и ледников и многого другого, без чего нельзя планировать хозяйственную деятельность завтрашнего дня.

Климатические изменения происходили и будут происходить на Земле независимо от деятельности человека. И, чтобы не провоцировать динамику "глобальных потеплений или похолоданий", необходимо разумно использовать природные ресурсы. Надо беречь природу и сохранять для будущих поколений такие заповедные места как озеро Иссык-Куль и окружающие его горы.

У всех людей одна планета

Путешествиями П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. В. Каульбарса, И. В. Игнатьева, Д. Альмаши, С Боргезе, Д. Принца, Г Мерцбахера, В. В. Сапожникова заканчивается эпоха классических географических исследований Центрального Тянь-Шаня.³

Первая мировая война, революция в России, гражданская война и разруха почти на 10 лет остановили развитие геолого-географических работ в Кыргызстане. В Прииссыккулье и прилегающих горах едва теплились горные работы, ожившие лишь в период НЭПа. Кустарным способом добывался уголь в Джергалане, соль в районе Текеса, да предприниматель Пигаркин, состоящий в компании с немецким подданным Вальтером, в течение года добыл около 10 тонн свинца на месторождении Беркут и на этом предприятие закрылось.

С 1928 года в Средней Азии разворачиваются работы Академией наук СССР, Центральным научно-исследовательским геолого-разведочным институтом (ЦНИГРИ), Всесоюзным экспедиционным комитетом Главного геологического управления (ГГУ), Среднеазиатским геолого-разведочным трестом (Средазразведка), Комитетом 2-го международного полярного года и Украинской комплексной экспедицией. Исследования этих организаций заключались в продолжении систематической геологической съемки четырехтысячного масштаба, начатой на этой территории еще в 1909 году. Закрывать белые пятна на карте в неизведанные Небесные горы отправились и туристические группы из Общества пролетарского туризма Москвы и Ленинграда.

Летом 1929 года Тяньшаньская экспедиция академии в составе руководителя работ Н. М. Прокопенко, научного сотрудника Б. А. Гаврусевича, при двух рабочих, пересекла Центральный Тянь-Шань по маршруту Каракол-Узенгеш-Нарын. Экспедиция ставила своей

³ Об этих исследователях смотрите в книге В. Г. Петрова «Гора, приносящая счастье», Бишкек, Раритет, 2013

основной задачей исследование термальных источников. Весь путь от Каракола до Нарына был пройден в течение полутора месяцев, причем геологические наблюдения велись лишь попутно.

В этом же году была основана высокогорная обсерватория Тянь-Шань. Место для нее на реке Кумтор рекомендовал гидролог Средазмета Л. К. Давыдов, составивший в 1927—1928 годах детальную карту верховьев Нарына и ледников, их питающих. Строительством обсерватории руководили В. Блезе и И. Е. Байков. Через заснеженный перевал Джуукучак вьючные караваны доставляли из Покровки строительные материалы, приборы, различное хозяйственное и научное оборудование. Также вьюками сюда были доставлены разобранные телеги и грузы перевозились на них по ровной поверхности сыртов. Таким образом, колесо появилось на Кумторе задолго до постройки сюда автомобильной дороги.

Из Харькова, который был тогда столицей Украины, правительственной экспедицией Украинской ассоциации востоковедения в ледниковый район Хан-Тенгри была направлена группа альпинистов во главе с Погребецким. В ее состав входили альпинисты Иван Багмут, Николай Коляда и Франц Зауберер, инженер-фотограф Сергей Шиманский, кинооператор Иван Лазиев, корреспондент газеты «Харьковский рабочий» Аркадий Редак. В Караколе в качестве переводчицы к ним присоединилась Фатима Таирова.

В Караколе ходили слухи, что в долине Иньльчека разбойничает банда Джантая. Там находились его стада и стойбища и всех, кто проходил через его «владения», «басмач» грабил и убивал. Интересно, что появление этих слухов связывалось с началом насильственной коллективизации и борьбой с кулачеством.

На самом деле Джантай Аманов был давним хозяином территории от Май-Баша до Иньльчека. Еще в конце XIX века кыргызы осваивали здешние земли, выращивали ячмень и опий. Ходили торговать в китайские города Ак-Су и Кашгар.

Появление любых чужеземцев во «владениях» Джантая контролировалось его людьми и в зависимости от намерений пришельцев им оказывалось гостеприимство или сопротивление. Так в 1906 году на леднике Иньльчек итальянские альпинисты экспедиции Чезаре Боргезе были встречены и опрошены джигитами Джантая о целях их прихода сюда. Затем они получили приглашение посетить стойбище Джантая в долине реки Каинды, где были встречены доброжелательным хозяином и даже приняли участие в свадебной церемонии – Джантай отдавал свою дочь замуж за Калчы – богатого землевладельца соседней речной долины Ирташ.

В неприступных каньонах Сарыджаза последний независимый хозяин этих земель Джантай Аманов находился со своими людьми до конца 30-х годов. Еще сегодня на высокой террасе-стрелке Караул Тепе между реками Май-Баш и Теректы видны развалины гумбеза-могилы сына Джантая, следы когда-то возделываемых полей и остатки старых арыков.

Эпическая история противостояния Джантая советской власти и взаимоотношения со своим бывшим подчиненным, а потом красным командиром Кутаном Торгоевым известна по приключенческим книгам Льва Канторовича «Кутан Торгоев» и «Полковник Коршунов».

О последних днях Джантая рассказывал нам проходчик Сарыджазской экспедиции Ташмат Шарипов. Мальчишкой Ташмат с родителями жил на Май-Баше во владениях Джантая. Место было отличное, в ручьях чистая вода, прекрасные пастбища, на склонах росли еловые леса, в окрестных горах водились в изобилии козлы, медведи и барсы. В 1939 году туда пришли красноармейцы и всех жителей с юртами, скарбом и скотом повели через перевалы сначала до заставы Кейлю, а потом и вовсе вниз к Караколу. Там их расселили по окрестным колхозам. Не гоже было независимым людям жить без присмотра власти. Джантай Ташмат больше никогда не видел.

Мы называли Ташмата сарыджазским Дерсу Узала. Он был проводником геологов в дебрях Кумара и скалах Капчигая. Ему были известны все потайные тропы в лабиринтах сарыджазских каньонов. Ташмат мог на руках подковать лошадь, надежно увязать вьюк, приготовить нехитрый ужин, из ничего сварить сытный монгольский чай. Когда на иссыккульских

полях выращивали мак, Ташмат занимался контрабандой. О себе того времени рассказывал в третьем лице: «У кого был лучший дом в Караколе? У Ташмата! У кого была первая „Победа“ в городе? У Ташмата! Кого больше всех уважал обком, райком? Ташмата!» Но все-таки его посадили. Отбыв срок Ташмат шоферил и вот теперь работал у нас. Мне нравилась его толерантность. Он был с кыргызами – кыргызом, с русскими – русским, с китайцами – китайцем, с татарами – татаринном. Когда осложнилась ситуация на границе Ташмата как неблагонадежного выдворили за пределы погранзоны.

Охрану группы Погребецкого обеспечивали пограничники заставы Нарынкол во главе с заместителем погранпоста Иваном Головиным и охотниками – отцом и сыном Набоковыми. Николай Васильевич Набоков в свое время был проводником в экспедиции немецкого географа и путешественника Мерцбахера.

Недалеко от Нарынкола с озера Барагобасу к юго-востоку открылся вид на снежоледяные хребты. В середине цепи которых возвышалась белая остроконечная пирамида с обрывистыми краями. «Вот он, Хан-Тенгри – Властелин неба!» – воскликнул Погребецкий. Но его проводники-джигиты хором называли вершину «Кан-тоо – Кровавая гора!»

Позже Погребецкий говорил, что «ниоткуда Хан-Тенгри не выглядит таким величественным, грозным и недоступным, как именно с озера Барагобасу».

Дальнейший путь лежал через перевалы Кокпак, Кашкатор и Тюз к Иныльчеку.

В долине Иныльчека группа Погребецкого встретилась с московскими туристами Иваном Мысовским, Валентином Гусевым и Николаем Михайловым, которые безуспешно пытались проникнуть в долину ледника Северный Иныльчек берегом ледникового озера. Им путь преградили обледенелые скалы.

Также неудачей закончилась попытка Погребецкого пройти к Хан-Тенгри с севера. Да и с юга им хватило времени только издалека увидеть недоступный пик. Они не сделали большего, чем Мерцбахер. Только добавили на его карту названия пиков Нансена и Петровского, ледника Комсомольский.

В следующем году М. Т. Погребецкий снова исследует окрестности ледника Южный Иныльчек и возможные пути восхождения на Хан-Тенгри с этой стороны. Группа Погребецкого прошла по леднику к востоку намного дальше предыдущих исследователей и было установлено, что с юго-запада самый безопасный путь на вершину.

В 1930 году группа Ивана Мысовского пополняется еще одним человеком – Зинаидой Косенко и на этот раз они пытаются пройти в долину ледника Северного Иныльчека, перевалив через Сарыджазский хребет. Через несколько дней подъема по леднику Мушкетова альпинистам удалось найти и 14 августа преодолеть перевал, названный ими перевалом «Пролетарской печати» (4750м). Перед ними открылась земля Terra incognita, на которую не ступала еще нога человека. Группа попала в непогоду и с большими трудностями тем же маршрутом вернулась обратно. Тогда же московскому альпинисту Георгию Суходольскому удалось с юга по скалам обойти озеро и пройти 15 километров по Северному Иныльчеку.

Наступил 1931 год. В составе украинской экспедиции тридцать четыре человека. Кроме альпинистов – Погребецкого, Зауберера, Шиманского, Тюрина, Головки, Кюна, Баркова, Тарасенко в экспедицию входили геоморфолог Демченко, геолог Коновалов, геодезист Гаевский, врач Качуровский, киногруппа из Ташкента (Когтев, Коротков), двадцать караванщиков и носильщиков. Украинцы должны были подняться на Хан-Тенгри с юга. В Караколе к ним присоединилась московская группа альпинистов (Суходольский, Гусев, Рыжов, Федосеев, Шокланов, Сорокин). Они были готовы покорить Хана с севера.

7 июля караван покинул Каракол и через пять суток перевалами Каракыр, Беркут и Ачикташ вышел в долину Иныльчека. Базовый лагерь организовали под пиком Нансена.

На всем протяжении ледника были устроены палаточные бивуаки. Самая верхняя конная заброска поднялась на высоту 4680м. В то время, как украинцы штурмовали Хан-Тенгри

с юга, московские альпинисты группы Суходольского преодолели ледниковое озеро с помощью надувной лодки. Произвели топографическую съемку ледника Северный Иныльчек и совершили попытку подняться на Хан-Тенгри с севера, но с высоты 6000м вынуждены были повернуть назад.

11 сентября 1931 года Михаил Погребецкий с альпинистами Францем Зауберером и Борисом Тюриным первыми взойшли на высоту 6995м. Это была огромная победа, которая принесла мировую славу советским горновосходителям. Погребецкий пишет: «Под нами был целый мир горных цепей и вершин, ледников и долин. Они были намного ниже нас и казались гигантской рельефной картой. . . На юго-запад видимость была очень плохая, а на юго-востоке тоже было облачно». Поэтому альпинисты, покорившие Кан-Тоо, который они считали Ханом, не увидели истинного Хан-Тенгри – высшую точку Тянь-Шаня, носящую сегодня имя Победы. В 1938 году альпинисты Гутман, Е. Иванов и А. Сидоренко поднялись на вершину в хребте Кокшаал-Тоо, которая не уступала по высоте Хан-Тенгри и назвали ее пиком 20-летия комсомола. В 1943 году было установлено, что ее высота 7439 м. Эта вершина была названа пиком Победы, но по другую сторону хребта эту вершину называли Хан-Тенгри.

Несколько лет назад московские друзья прислали мне фотографию вида гор. Она была подобрана у мусорного ящика во дворе Российской Академии Наук. На обороте надпись: «Центральный Тянь-Шань. Северная ветвь ледника Иныльчек. Снято с высоты 6200 метров со склонов пика Хан-Тенгри». Автор фотографии и надписи Сергей Гаврилович Шиманский (1898—1972) – потомок знаменитого дворянского рода польского происхождения, родился в Галиции в семье помощника настоятеля храма. С 1914 по 1920 год жил во Владимире, где окончил реальное училище. Участник Гражданской войны. В 1922 году поступил в Харьковский Государственный институт народного хозяйства. После окончания института работал в детской коммуне у Макаренко, обучая беспризорных детей искусству фотографии, уходу и ремонту за фототехникой. На базе этой коммуны был создан знаменитый Харьковский завод фотоаппаратов ФЭД. В 1924—1925 годах был фотокорреспондентом «УКРФОТОТРЕСТА».

Шиманский вошел в историю советской фотографии, вопреки своему «буржуазному происхождению», честно делая свою работу, запечатлевая достижения рабочих и колхозников. В поисках свободы творчества убежал от демагогии советской действительности в глубь неприступных гор Тянь-Шаня. Здесь он провел несколько экспедиционных лет, фиксируя на пленку девственную природу и героический труд ее исследователей.

В Украинской научной правительственной экспедиции в 1929—33 годах он не только штатный фотограф, но и равный сотрудник среди географов, геологов и альпинистов. Он участник первого восхождения на пик Хан-Тенгри и был в 600 метрах от вершины, но не имел права подняться выше, так как на нем лежала только обязанность организации промежуточных лагерей для штурмовой группы Погребецкого, в которую он не входил. Верхний лагерь был организован на высоте 6400 метров. Через несколько дней по его следам прошла штурмовая группа и взяла пик.

Среди снегов и льдов Центрального Тянь-Шаня Шиманский получил известие, что у него родилась дочь. Сергей называл ее Звездочкой и это имя в честь дочери Шиманского получил ледник в верховьях Иныльчека.

Здесь на высокогорье Сергей Шиманский проводит испытания нового фотоаппарата ФЭД. Его фотографии, посвященные Тянь-Шаню, были представлены на выставке в Харькове. В 1935 году Шиманский работал в издательстве «Искусство» над фотоальбомом «Киев». Был внештатным фотокором в журнале «СССР на стройке», а также в ряде спортивных изданий. Он выпускает книгу «Фото в путешествии», которая представляла пособие по фотографии для туристов и излагала специфические приемы съемки и обработки снимков в путешествиях. С 1940 года Сергей Шиманский работает в Москве по приглашению выставочного комитета по подготовке Нью-йоркской художественно-фотографической выставки.

С. Г. Шиманский участвовал в Финской и Отечественной войнах. Его материалы публиковались в газете Северного флота «Краснофлотец», в центральной газете «Красный флот», Фотохронике ТАСС. В марте 1943 года Шиманский становится специальным фотокорреспондентом Министерства Военно-морского флота СССР. Из командировок в осажденный Ленинград, на Чудское озеро, в Таллин, Ригу, район Будапешта привозит сотни негативов. С 1947 года Шиманский работает в Главном Управлении охраны памятников архитектуры. Снимает Ленинград, Среднюю Азию, Прибалтику. Его работы публиковались в серии «Архитектурные памятники в художественной фотографии», издавались наборы видовых открыток с его фотографиями. И уже после смерти Шиманского заново открывают специалисты и зрители как прекрасного фотографа, работы которого по мастерству и изобразительному совершенству достойны самых серьезных выставок и публикаций.

Топо съемка Северного Иньльчека была завершена в 1932 году. Работу произвели участники украинской экспедиции топограф Н. З. Загрубский, геоморфолог А. А. Жавжаров и московские альпинисты Валентин Гусев и Илья Рыжов. Ледник был назван именем Резниченко, озеро – Мерцбахера. Мерцбахером альпинисты называли еще порывистый ветер, дующий с долины Иньльчека, а протоку, соединяющую ледник Резниченко с озером, – речкой Мерцбахеровкой. Впервые в центре гор Ала-Тоо работали ученые – специалисты самых различных отраслей науки о Земле. Среди них были геологи Карякин и Корнильев, геоморфологи Гордеев и Нотарев, гляциолог Демченко, геоморфолог Жавжаров, геоботаники Котов и Щеткин, топографы Кюн, Загрубский и Кобылин, метеоролог Жуковский. Ученых сопровождали альпинисты Барков, Чемезов, Бельцев, Шиманский и Погребецкий – первый покоритель пика Хан-Тенгри. Руководил экспедицией географ Исаак Ильич Ландо.

Благодаря опытным проводникам – местным жителям Дорбаю, Толконбаю, Тахтаулу, Турасбеку, Калыку, экспедиции удалось проникнуть в труднодоступное «белое пятно» Тянь-Шаня – реку Кейкап и нанести на карты ее притоки и ледники. Здесь ими был открыт горный хребет, получивший имя Постышева, тогдашнего партийного руководителя Украины. Не были обойдены вниманием и другие украинские партийные функционеры – именами Петровского и Косиора были названы значительные вершины в изученном украинцами районе. Исследователи впервые проникли в непроходимые каньоны Сарыджаза, образованные скальными вертикалями, отшлифованными тысячелетней непрерывной работой реки.

«Мы чувствуем себя в этой долине настоящими робинзонами, – писал в дневнике Михаил Погребецкий. – Ведь тут еще никогда не ступала нога человека. Мы первые!..»

Вся жизнь Погребецкого была посвящена горам. Он организатор альпинизма в Киргизии и его имя присвоено двум вершинам Тянь-Шаня. В Украинской комплексной научной экспедиции 1933 года в Центральный Тянь-Шань Михаил Погребецкий выполнял обязанности руководителя альпинистской группы. Экспедиция работала по программе II Международного полярного года, по плану которого исследовались полярные области и районы высокогорных оледенений Земли. Итоги экспедиционных исследований украинцев были представлены в книге «Тянь-Шань», экономико-географическая часть которой написана И. И. Ландо. Научные материалы экспедиции публиковались в изданиях Академии наук и сегодня являются актуальными. Географическая карта пополнилась множеством новых объектов, однако, названные ими хребты, ледники и горные вершины позже были переименованы, потому что в годы репрессий многие персоналии, «увекоченные» экспедицией, оказались в числе «врагов народа».

Исаак Ландо был долгожителем, последние годы преподавал географию в пензенском университете и писал стихи, больше о защите природы. В 2004 году отметил свое столетие.

У всех людей – одна планета:
И ветрам нет на ней границ,

Как нет границ потокам света
И перелетам диких птиц.
И нам беречь планету надо
Для тех, кто будет после нас.
А мы бездумно сыплем яды
И дом свой травим, не скупясь.

Чика Москвич

В 1946 году газета «Советская Киргизия» сообщила, что в Центральный государственный архив Киргизской ССР поступили рукописи археолога и этнографа Ивана Алексеевича Чеканинского (1891—1942).

В научных кругах имя Чеканинского известно давно. Его первые публикации в журналах Русского Географического общества появились еще в 1912 году. Александр Яворский – организатор и до конца жизни бессменный руководитель заповедника «Красноярские Столбы» – в своих мемуарах рассказывает, как в 1909—1912 годах молодые люди организовали на Красноярских Столбах несколько стоянок. Компания состояла из молодежи, начинавшей самостоятельную жизнь или стоящей на пороге жизни. Из гимназистов выделялся Иван Чеканинский по прозвищу Ванька Чика, а позднее Чика Москвич, так как учился он в Московском археологическом институте. Чика приезжал на каникулы в родную Сибирь и здесь на Столбах у южного отрога камня Баба создал собственную стоянку «Трибуна», получившую свое название за сходство одного из камней с ораторской трибуной, взобравшись на которую молодежь произносила свои речи. Яворский вспоминает, что особенностью той молодежной компании была ее песенность. Пели сидя, стоя, лежа, пели всегда... «Живем, – пишет он, – мы и с нами вместе бок о бок идет и живет песня. Целый песенный мир окружает нас и из него мы черпаем утешение в своем горе, подтверждение своей радости, наслаждение и жизнеутверждающую красоту бытия».

Свое юношеское увлечение археологией и этнографией Иван Чеканинский закрепляет научной подготовкой, полученной в институте, и здесь на Енисее он начал собирать сибирский фольклор, изучать религиозные верования и обряды местных жителей. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в 1914 году предоставило Ивану Чеканинскому самостоятельную научную командировку на север Сибири по рекам Ангаре, Уде и Чуни, где он провел этнографические исследования среди русского старожильческого населения и собрал большую коллекцию енисейской старины, народных сказок и исторических песен, которая потом была передана им в Московский Румянцевский музей. Результаты этой командировки частично были опубликованы в научном журнале «Этнографическое обозрение» и местной газете «Енисейская мысль». Чеканинский был в числе первооткрывателей палеолитических стоянок под Красноярском. С этого времени он стал постоян-

ным сотрудником журнала «Сибирский архив» по истории, археологии и этнографии Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.